

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ 1752–1757 гг. Ж. АНТУАНА И БАРОНА А.С. СТРОГАНОВА

«Уже бы к купцам съездил, если бы господин Антоний подагрою не занемог», – писал 26 апреля 1756 г. барон Александр Строганов отцу из Парижа¹, имея в виду под «господином Антонием» своего гувернера Жана Антуана. Этот фрагмент четырехлетней переписки настолько же труден для комментария, насколько сложно описать личность самого Антуана, которому, вероятно, было суждено стать первым в блестящей череде гувернеров династии Строгановых. Несколько позже, но в том же XVIII в., в доме на углу Невского проспекта и набережной Мойки – главной резиденции «соляных графов» – появился Ж. Ромм, воспитатель графа П.А. Строганова². Следом за Роммом в Россию прибыл его друг и земляк Ж. Демишель, ставший затем учителем барона Г.А. Строганова³. А уже в XIX в. самым известным из гувернеров семьи Строгановых был Ф.И. Буслаев, в дальнейшем – секретарь графа С.Г. Строганова, наставника сына императора Александра II великого князя Николая Александровича.

Барон Александр Сергеевич, получивший в 1761 г. титул графа Священной Римской империи, а в 1798 г. – графа Российской империи, прославился как выдающийся меценат и коллекционер. Подобно своим предкам Анике Федоровичу (1497–1570) и именитому человеку Григорию Дмитриевичу (1656–1715), он представлял собой личность государственного масштаба. Однако в его случае шла идет не о создании капитала и вотчины, чем прославился Аника, и не о преумножении их до самых больших в России размеров, как это сделал Григорий, а об использовании уже накопленных средств на общественную пользу.

* Сергей Олегович Кузнецов, доктор исторических наук, заведующий сектором по изучению истории Строгановского дворца – филиала Государственного Русского музея.

¹ Кузнецов С.О. Пусть Франция поучит нас «танцовать». Создание Строгановского дворца в Петербурге и своеобразии придворной культуры России в первой половине XVIII века. СПб., 2003. С.456–457. В дальнейшем все письма Строгановых цитируются по этому изданию.

² Подробнее см.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.

³ О нем см.: Роль-Танги Э. Уроженцы Оверни в России XVIII в.: Жильбер Ромм и Жак Демишель // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 7. М., 2006.

Родившийся в 1733 г., Александр Сергеевич был примерно до 22 лет очень религиозным юношей, не интересовавшимся никакими светскими развлечениями. Именно так этот период его жизни описывали позднее Воронцовы. Правда, относились они к нему явно предвзято после его разрыва с его первой женой Анной Михайловной, урожденной Воронцовой, дочерью вице-канцлера. И только в начале 1770-х гг. какое-то важное событие, вероятнее всего рождение сына (1772) или приобщение к масонству, а может, и то, и другое, переменяло жизнь графа А.С. Строганова. Примерно с возраста 39 лет он встал на путь просветителя, создав свой Кабинет, частью которого была знаменитая коллекция живописи. Еще одно из творений Строганова – большой парк на северной окраине Петербурга. Наконец, в 1800 г. путь просветителя привел его к руководству строительством грандиозного Казанского собора, сопоставимого с собором Св. Петра в Риме. Он начал главное дело своей жизни в возрасте 67 лет, занимая посты президента Академии художеств и главного директора Публичной библиотеки. Вскоре после освящения храма Александр Сергеевич скончался.

подавляющее большинство публикаций об А.С. Строганове посвящено последним годам его жизни⁴. Напротив, вопрос о том, кто и каким образом руководил воспитанием этого выдающегося деятеля Просвещения, ранее не ставился, прежде всего по причине отсутствия источников. Переписка Александра Сергеевича с отцом, Сергеем Гри-

⁴ См.: *Плетнев В. А.* Граф Александр Сергеевич Строганов // Современник. 1843. № 8. С. 124–125; *Колмаков Н.* Памяти графа Александра Сергеевича Строганова. СПб., 1844; *Он же.* Дом и фамилия Строгановых. 1752 1887 // Русская старина. СПб., 1887. Т. 53. С. 576–602, Т. 54. С. 71 94; *Божерянов И.* Граф Александр Сергеевич Строганов // Художественные сокровища России, 1901. № 9. С. 151 164; *Сербов Н.* А.С. Строганов // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский – Суворина». С. 485–488; *Арциховская-Кузнецова А. А.* А.С. Строганов как тип русского коллекционера // Панорама искусств 11. М., 1988. С. 282–291; *Карпова Е.В.* Русская скульптура в собрании А.С. Строганова // Там же. С. 176–184; *Она же.* Французская скульптура из собрания Строгановых // Частное коллекционирование в России. Материалы научной конференции «Вишперовские чтения 1994». М., 1995 С. 92 99; *Kouznetsov S.* La collection du comte Alexandre Stroganov // Hubert Robert et Saint-Petersbourg. Les commandes de la famille Imperiale et des Princes russes entre 1773 et 1802. Valence, 1999. P. 56-59; *Неверов О.* Коллекции графа А. С. Строганова // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 47–54; *Дерябина Е. А.С.* Строганов и Гюбер Робер // Наше наследие. 2002. № 61–62. С. 23 –29; *Богдан В.* Настоящий президент. А.С. Строганов – президент Академии художеств // Мир музея. 2002. № 4. С. 25–27; *Сомов В.А.* Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов (Из истории библиотеки графа А.С. Строганова) // XVIII век. Вып. 22. СПб., 2002. С. 200–234; *Кузнецов С.О.* Не хуже Томона. Государственная, меценатская, собирательская деятельность рода Строгановых в 1771–1817 гг. и формирование имперского облика Санкт-Петербурга. СПб., 2006; *Сомов В.А.* «Кабинет для чтения графа Строганова» (иностранный фонд) // Век Просвещения. М., 2006. С. 232-269; *Jaeger S.* Alexander S. Stroganov (1733–1811). Kunstsammler und Mäzen im Russland der Aufklärung, Köln 2007; *Кириченко Е.В.* Президент Александр Сергеевич Строганов, или Во главе Академии художеств вновь Меценат // Президенты Императорской Академии художеств. М., 2008. С.111–142.

горьевичем Строгановым, содержит некоторые сведения о Жане Антуане и в определенной степени позволяет восполнить этот пробел.

Посланиями с сыном старший Строганов обменивался на русском языке, причем основой для писем Александра служил его *Journal des mes voyages* («Дневник моих путешествий»), частично сохранившийся и фрагментарно опубликованный⁵. Выбор родного языка, вероятно, можно объяснить «рекламными целями». Сергей Григорьевич, потративший на вояж сына огромные средства, желал прославить это путешествие в разных слоях российского общества, что доказывают два извлечения из писем Строганова Антуану. В послании, датированном С. Йегер февралем 1755 г., находим: «Не забывайте писать мне о новостях. Пишите подробнее, так как с некоторых пор персоны высокого ранга начали находить удовольствие в ваших письмах»⁶. В письме, сочиненном в мае–июне того же года, другое подобное наставление: «Здесь стал издаваться литературный журнал на русском языке, было бы неплохо поместить в него описание вашего путешествия»⁷. Речь идет, конечно, о «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» – издании, предпринятом Г. Миллером.

С Антуаном Сергей Григорьевич вел отдельную переписку по-французски. Всего сохранилось 5 посланий гувернеру от старшего Строганова. Фрагменты трех (1754–1755) опубликованы Йегер.

Причины, по которым именно француз⁸ был избран для сопровождения молодого Строганова во время его Большого турне, достаточно очевидны. В XVIII в. Франция была для европейцев законодательницей мод во всех областях, а ее язык имел повсеместное распространение. Представляется, что главной целью путешествия был Париж. Хотя и не он был избран в качестве места учебы Строганова, пребывание того на берегах Сены оказалось более продолжительным, нежели в каком-либо ином городе Европы, после того как, завершив двухлетнее обучение в Женеве, барон отправился путешествовать. Во французской столице Александр прожил 8 месяцев, вместо отведенных отцом пяти, и вынужден был покинуть ее лишь под мощным давлением Сергея Григорьевича, прекратившего перевод денег сыну в Париж.

Париж и Версаль должны были привлекать Александра потому,

⁵ Jaeger S. Op. cit. S.496-498.

⁶ Ibid. S. 434.

⁷ Ibid. S. 433.

⁸ Француз по происхождению, Антуан считался прусским подданным (см. ниже). Не исключено, что он происходил из семьи гугенотов, осевших в Пруссии после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Протестантизм Антуана, возможно, и стал причиной выбора Женевы в качестве места учебы Александра.

что его отец считал основной задачей путешествия получение навыка «обращаться в полном свете» (см. письмо от 14 апреля 1754 г.). Учеба должна была сочетаться с освоением светских манер. Однако, если о прохождении учебного курса мы имеем достаточно точное представление, то об успехах **молодого барона в салонах нам почти ничего не известно**. Сам путешественник мало сообщает об этой стороне поездки, во-первых, потому, что она его мало интересовала после того, как он заболел коллекционированием, а во-вторых, потому, что именно во время пребывания в Париже, где он должен был «поучиться танцевать», Строганов-младший писал крайне редко и кратко. Из нескольких фраз мы знаем только, что всех, кто засвидетельствовал ему свое почтение в Женеве (примерно 90 человек), он пригласил к себе на бал. Кроме того, в одном из парижских писем есть сообщение об игре в карты как способе составления знакомств и о балах как способе приобретения «чести» (письмо от 10 мая 1754 г.).

Итак, заграничный тур барона А.С. Строганова, который продолжался более пяти лет, был разбит учебой в Женеве на две неравные части. Несколько месяцев россиянин добирался до Швейцарии (май–октябрь 1752 г.), в ней самой находился чуть более двух лет (октябрь 1752 – август 1754 г.) и затем путешествовал с сентября 1754 по июль 1757 г. О большей части путешествия (май 1752 – сентябрь 1756 г.) мы имеем достаточно подробные сведения, благодаря его переписке с отцом. Правда, как уже отмечалось, информативность писем Александра уменьшалась по мере увеличения срока его отсутствия в отчем доме. О заключительной же фазе поездки (сентябрь 1756 – июль 1757 г.) известно мало, так как из-за смерти Сергея Григорьевича переписка оборвалась, а других источников у нас практически нет.

Первоначально поездка А.С. Строганова, согласно выданному ему отпускному паспорту, должна была продолжаться шесть лет – до лета 1758 г. Имя Антуана мы впервые встречаем в этом же документе, где говорится, что лейб-гвардии прапорщик Александр Сергеевич Строганов «отпущен из России сухим путем в Иностранные государства на шесть лет, а при нем пруской нации Жан Антуан, да собственные его барона служители Алексей Мурахин и Матвей Печенев»⁹.

В первом дошедшем до нас послании Сергея Григорьевича сообщается, что он отправляет письма в Берлин на имя сестры «господиня Антония». Заметим, что другой гувернер в семье Строгановых – Жан (Jean) – попал к ним при посредничестве Г.Ф. Миллера тоже из

⁹ См.: Из семейной хроники рода Строгановых. Письма барона А. С. Строганова отцу из-за границы. 1752-1756 / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив. MMIV. М., 2005. С. 11.

Берлина, где ранее состоял на службе у Эйлеров¹⁰. Не исключено, что Миллер поспособствовал и появлению у Строгановых Ж. Антуана. В ходе путешествия губернёр прислал из Берлина книги для С.Г. Строганова и И.И. Шувалова. А поскольку об аналогичных его посылках из других мест сведений нет, можно предположить, что связи Антуана в книжном мире ограничивались именно прусской столицей.

Из переписки отца и сына Строгановых мы можем также узнать о губернере, что он «скучает головой» и болен подагрой. Из-за этого может сложиться впечатление, что Александра Сергеевича сопровождал пожилой и опытный человек, нанятый, возможно, именно для такой поездки. Однако, с другой стороны, Антуан в 1754 учебном году, начавшемся в конце ноября предыдущего года и завершившемся в конце сентября, сам стал учеником Женевской академии, что может свидетельствовать о его молодости¹¹. Судя по письмам, Антуан обладал хорошей репутацией, поскольку князь П.С. Салтыков хотел отправить вместе с ним и Александром Строгановым своего сына Ивана, будущего фельдмаршала. Когда позднее Иван Салтыков самостоятельно придет в Женеву, Антуан, по просьбе С.Г. Строганова, будет искать человека, который мог бы «вожировать» с молодым аристократом¹². Вначале француз сам нашел нескольких людей, готовых выполнять подобную миссию, а затем уже Александр Строганов рекомендовал Салтыковым г-на Саразена (*Sarasin*), сына пастора. Кроме того, А.С. Строганов рекомендовал отцу и своему дяде, С.К. Нарышкину, швейцарского дворянина де Валтравера в качестве спутника для путешествий, который «весьма годен быть в оном чину для того, что много вожировал» и уже исполнял подобную миссию у некоего англичанина¹³. Спутником же самого А.С. Строганова в конечном итоге стал князь А.М. Голицын (1740–1777), не имевший собственных средств для найма «ментора-путешественника», каковые вошли в моду с распространением в России сочинения Фенелона (впервые издано на русском в 1747 г.)¹⁴.

Заметим, что именно в период заграничного турне барона Александра для Большого зала петербургского дома Строгановых была написана плафонная картина, на которой можно видеть ментора и юно-

¹⁰ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières / Sous la dir. A. Mézin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011, 2 vol.*

¹¹ *Livre du Recteur de l'Académie de Genève (1559–1878) / Hrsg. von Suzanna Stelling-Michaud, Genève 1976. S. 303.*

¹² Письма А. С. Строганова от 14 февраля и 14 апреля 1754 г.

¹³ Письмо от 25 июня 1754 г.

¹⁴ Похождение Телемака, сына Улисса ... Переведено на русский язык в 1734 году и по особливому высочайшему соизволению... Елизаветы Петровны... напечатано при Академии наук. СПб., 1747.

шу в окружении богов небесного Олимпа, аллегорий добродетелей и искусств. Наиболее распространенное толкование связывает появление этих фигур с «Похождением Телемака». Однако не исключено, что определенное отношение к возникновению шедевра имела также книга М. Рамзея «Новое Кирионаставление, или Путешествия Кирова» (1727), повествующая о другом путешественнике. В любом случае плафон свидетельствует о том, что владельцы дома одними из первых среди российской знати оценили значение путешествий.

Александр даже выступил автором своего рода «кодекса вояжера», составленного им в качестве учебного задания в Женеве (1753) на французском языке в форме писем другу о путешествиях¹⁵. Позволим себе несколько цитат оттуда, тем более что эпистолярное наследие Александра Сергеевича невелико. «Самое большое счастье, на мой взгляд, которое может иметь молодой человек, – это встретить гувернера, который имеет необходимые качества, особенно чувство привязанности к своему воспитаннику», – писал Строганов во втором письме¹⁶. Он признавал опасность путешествий в слишком юном возрасте из-за того, что у молодого человека еще нет необходимых знаний, а характер его еще не сформирован. Путешествуя в этот период жизни, можно испортиться и прельститься дурными речами. «Еще более опасно и бесполезно, – считал молодой барон, – отправляться в дорогу одному и с полной свободой предаваться своим вкусам». И далее: «Те, кто воспитываются в отеческом доме, во многих случаях воспользовались бы отсутствием родителей и развратились бы, если бы не имели надежного проводника и верного друга подобно тому, как у Телемака был Ментор для того, чтобы заботиться не только о сохранении их самих и о расходовании средств, но более об их поведении для того, чтобы уберечь их от подводных камней, к которым безрассудная молодость, лишенная опыта, может устремиться»¹⁷. В письмах о путешествиях Строганов ссылался и на историю Петра I, который первым из российских монархов отправился за границу, где почерпнул новые знания и новые идеи для развития государства. Этот опыт, считал Строганов, во многом и предопределил успех правления великого государя.

Женева, тихий протестантский город, лишенный «театров и комедиев», идеально подходил для обучения юного россиянина. В этом «земном рае», по определению А.С. Строганова, он постигал латынь,

¹⁵ Lettre à un Ami sur les voyages. Essai de composition par Mr. le Baron de Stroganoff à Genève en 1753 ; 2e Lettre à un Ami sur la manière de voyager utilement. – РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 76. Л. 51–58.

¹⁶ Кузнецов С.О. Пусть Франция... С. 472.

¹⁷ Там же.

философию, физику, математику, военное дело. Такой вид деятельности в полной мере отвечал его вкусам. Еще в Берлине граф П.Г. Чернышев, давний знакомый Сергея Григорьевича, отметил склонность юноши к ученым занятиям¹⁸. До некоторых пор подобные увлечения наследника никоим образом не беспокоили старшего Строганова, и он щедро снабжал сына деньгами на покупку древностей, книг и медалей – первых из художественных ценностей, которые привлекли «русского Телемака». Эти приобретения поднимали престиж Строгановского дома и, следовательно, его хозяина. Однако постепенно Сергея Григорьевича стал смущать чрезмерный, как ему казалось, интерес сына к наукам, поскольку старший Строганов надеялся, что наследник изберет для себя военную или придворную стезю. Старый барон запросил мнения о своем сыне у жившего в Женеве бывшего русского подданного Авраама Веселовского, чьему мнению доверял. Тот чрезвычайно высоко оценил успехи Александра, отметив при этом равнодушие к военной карьере, и предсказал юноше министерское будущее. Прогноз оправдался: вскоре А.С. Строганов перешел на службу в коллегия иностранных дел, а в конце жизни занял высокие государственные посты.

Но еще до получения мнения Веселовского, которое, впрочем, лишь подтвердило опасения старого барона, тот решил, что, вместо намеченных изначально трех лет, его сын проведет в Женеве только два. По их истечении, несмотря на протесты Александра, последний был отправлен отцом в путешествие. Дальнейшее углубление знаний в сэкономленный, благодаря способностям и усидчивости юноши, год казалось Сергею Григорьевичу излишним. Он хотел сделать из сына человека великосветского и выразил это так: «Вам не всегда надобно будет уединенно живучи, прилежать токмо в одних ученых мыслях, но весьма больше должны будете обращаться в полном свете»¹⁹.

В своем письме Авраам Павлович высоко оценил и «строгановского Ментора»: «Также к немалой Вам похвале избрали Вы надзирателя сыну Вашему, моему другу, доброго и честного человека, г-на Антония, который об его здоровье и обучении равное попечение, как отец о сыне своем, имеет. Никогда от него не отлучается и прилежно смотрит, чтоб время свое со всею пользою употреблял»²⁰.

Именно из послания гувернера С.Г. Строганов узнал о намерении сына оставить друзьям в Женеве несколько своих портретов на память и тоже выразил желание получить портреты самого Александра

¹⁸ Колмаков Н.М. Дом и фамилия Строгановых. С. 588–589.

¹⁹ 14 апреля 1754. – Там же. С.411.

²⁰ Послано с письмом А.С. Строганова от 12 апреля 1754 г. – См.: Кузнецов С.О. Пусть Франция... С. 165.

и «г-на Антония». Эта работа неназванного мастера была доставлена в Петербург к декабрю 1754 г. Любопытно, что старший Строганов даже усомнился в том, что получил изображения сына и его наставника: «Посылка ваша – книги, медали и инструменты, также портрет ваш и господина Антония – исправно получена. Токмо прошу меня уведомить, подобны ли Вам и господину Антонию портреты Ваши, а то великую перемену вижу перед тем, как Вы отсюда поехали», – задает он вопрос сыну 25 декабря?²¹ Двумя неделями раньше он почти в тех же выражениях задавал его и учителю: «Вместе с книгами сына получены два портрета, один Ваш, другой его. Я нахожу, что они хорошо написаны, но подобны ли изображения вашим?»²² Настоящее местоположение картин не установлено. Возможно, когда-нибудь мы обретем не только еще один портрет Строганова, иконография которого довольно обширна, но и впервые увидим черты человека, столь много сделавшего для его воспитания.

После отъезда из Женевы собственно и началось Большое турне А.С. Строганова по Европе. В феврале 1754 г. Сергей Григорьевич попросил сына «прислать план вояжу, который вам, начав в нынешнем году, продолжать впредь надобно через Италию и Францию»²³. Спустя два месяца он повторил просьбу, наметив уже конкретный срок отбытия Александра (август) и «ворота» для въезда в Италию – Турин. Но еще до получения этого напоминания Александр доложил отцу: «план вояжу послан». Вероятно, маршрут был разработан им самим и, скорее всего, при содействии гувернера.

Однако уже в письме С.Г. Строганова от 7 июня 1754 г. молодой барон мог прочесть: «При сем сообщаю вам план вояжа, которой для вас сочинил дядя ваш Александр Григорьевич, а примечаниями снабдил, также и какие книги должно вам с собой иметь, г[оспод]дин профессор Мюлер <...> Мне этот план весьма нравится»²⁴. В РГАДА хранится черновик инструкции инструкции Миллера на немецком языке от 1754 г.²⁵ с кратким описанием этого маршрута: из Турина в Милан, Мантую, Падую. Оттуда Строганов должен был поехать в Венецию, которую ему следовало увидеть как декорацию к карнавалу. Далее путь его должен был лежать в Болонью и Рим. Из Италии юно-

²¹ Кузнецов С.О. Пусть Франция... С. 429.

²² Jaeger S. Op. cit. S.433.

²³ Кузнецов С.О. Пусть Франция... С. 410.

²⁴ По расшифровке В. Ржеуцкого.

²⁵ Датирован Е.Е. Рычаловским. См.: От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения выдающегося немецкого и российского ученого, академика Герарда Фридриха Миллера. Каталог выставки / Сост. Е.Е. Рычаловский. М., 2005. № 193.

ше предстояло поехать во Францию, Англию, Голландию и через Германию вернуться в Россию²⁶.

Отправил ли Миллер план в Женеву, где его отредактировал А.С. Строганов? Был ли Сергей Григорьевич недоволен маршрутом сына или просто, страховки ради, послал программу брату ранее получения известия? Или же документ родился каким-то иным способом? Участие в его создании А.Г. Строганова и Миллера столь же очевидно, как очевидно неучастие Сергея Григорьевича. Роль Антуана не ясна. В письме к нему С.Г. Строганова от 10 декабря 1754 г., во время пребывания путешественников в Италии, содержится просьба: «Я ожидаю частых новостей и не забывайте извещать меня о прогрессе моего сына в языке страны и развитии его вкуса к изящным искусствам»²⁷.

Любопытны в этой связи фрагменты писем Сергея Григорьевича о музыке. Первый – после того, как 22 февраля 1755 г. Александр Сергеевич рассказал в послании из Венеции о певице Кокете, скрипачах Назари и Тартини: «Я повторяю то, что я писал в одном из моих предыдущих письмах об оперных певцах и музыкантах в Италии, о которых мой сын говорит как знаток, и действительно они являются наилучшими музыкантами в Венеции» (февраль 1755)²⁸. Второй фрагмент: «По случаю, вы посетили несколько концертов. В связи этим я желаю знать имена лучших музыкантов и певцов. Я желаю, чтобы мой сын не был дилетантом, но совершенствовался все более и более» (май–июнь 1755 г.)²⁹.

Заметим, что у нас нет сведений о разногласиях между губернатором и отцом, за исключением письма Александра Сергеевича от 13 июля 1753 г.: «Вы изволите мне советовать на манеже ездить, но господин Антоний думает, что лучше в последний год нашего здесь жития с прочими экзерцициями оному учиться»³⁰.

Под книгами, ранее упомянутыми в письме С.Г. Строганова от 7 июня 1754 г., вероятно, имеются в виду путеводители, один из которых Александр называет, а именно – вышедший в Ганновере путеводитель Иоганна Георга Кейслера (**Keyssler**) **для путешествующих по Германии, Богемии, Венгрии, Швейцарии и Лотарингии** («**Neuster Reizen durch Deutschland, Bohnem, Ungarn, die Schweiz, Italien and Lothringen**»), первое издание которого увидело свет в 1740, второе – в 1751 г.

²⁶ Reyse Route fur den Herrn Baron Alexander Sergeewitsch Stroganow. – РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 412. Ч. 1. Л. 1-13 об.

²⁷ Jaeger S. Op. cit. S.433.

²⁸ Ibid. S.434.

²⁹ Ibid.

³⁰ Кузнецов С.О. Пусть Франция.... С. 399.

Осенью 1754 г. А.С. Строганов посетил все намеченные Миллером итальянские города, где знакомился с кабинетами редкостей, собранных знаменитыми учеными. Весной и летом 1755 г. молодой барон еще находился в Италии, где осмотрел сначала Неаполь, Везувий и Капри, а затем отправился в Лацио и Тоскану. В Риме он, вероятно, был настолько впечатлен творчеством знаменитого живописца П.Дж. Баттони, что отдал ему в обучение одного из упомянутых в отпускном паспорте служителей – Матвея Печенева. Вероятно, речь шла о ставшем в будущем известным художнике Матвее Ивановиче Пучинове (1716–1797). Этим деянием «новый российский меценат» достойно увенчал итальянскую часть своего вояжа. Из Генуи Строганов морем добрался до Антиба, французского порта на Средиземном море, и проследовал далее через Тулон, Марсель, Экс, Ним, Авиньон и Лион в Париж. Именно потому, что там Александр предстояло исполнить основное поручение отца – обучиться светской жизни, весь его вояж можно рассматривать как длительное, со множеством отвлечений, путешествие во французскую столицу.

Свою первую картину А.С. Строганов приобрел еще в Венеции. В начале апреля 1756 г. он принял участие в аукционах двух кабинетов – аббата де Флюри (Flury) и герцога Таллара (Tallard). Барон попросил у отца разрешения истратить на покупки 1500 рублей, «для того, что этакой оказии мне во всю жизнь не найтись». Отец согласился, но рекомендовал «в покупке не ошибиться». Об итогах торгов А.С. Строганов сообщил следующее: «умножил свой кабинет много курьезными вещами, между которыми есть две картины, которые охотниками до живописной работы весьма хорошими почитаются. Одна из оных писана славным Перуджином, рафаэловым мастером³¹, а другая преславного Фетия руки³²».

Александр Сергеевич тогда был еще только начинающим коллекционером, не обладавшим в этой области достаточно глубокими знаниями. Некоторое представление об уровне собранной им в ходе европейского турне коллекции дает заметка Я. Штелина: «Уже до путешествия во Францию (имеется в виду второе путешествие 1771–1779 гг. – С.К.) Его Сиятельство обладал многочисленным собранием хороших картин. А теперь этот господин и знаток со вкусом имеет много меньше картин,

³¹ Вероятно, имеется в виду «Богоматерь» П. Перуджино, которую впоследствии А.С. Строганов не включил в свой каталог 1793 г., поскольку это была копия.

³² Имеется в виду картина «Сельская жизнь» Д. Фети, которая в настоящее время находится в Тульском художественном музее.

но каждая совершенно превосходна в своем роде»³³. Из этой витиеватой фразы явно следует, что коллекция, составленная в ранний период жизни А.С. Строганова, была посредственной. В Каталоге его собрания картин, составленном в 1793 г., упомянуты лишь две работы, приобретенные им в первом путешествии.

Об участии Антуана в покупке произведений живописи сведений нет. В письме к нему Сергей Григорьевич повторяет слова уже сказанные сыном. Александр Сергеевич: «Я здесь нашел случай купить славного Корежия (Coregio) картину... А случаи такие картины покупать здесь и во всей Италии весьма редко находятся» (письмо от 15 января 1755). **Сергей Григорьевич – Антуану в феврале: «Я охотно соглашаюсь на покупку хорошей картины Корреджио, о которой вы говорите. Прекрасная оказия, которая редко представляется в наши дни...»**

Гувернер упоминается только при покупке заказанной Сергеем Григорьевич табакерки, да и то его роль с точностью не определяется. Речь идет о той самой фразе, с которой начинается наша статья, – о несостоявшейся поездке к купцам. Ее можно интерпретировать двояко. Либо молодой барон был настолько зависим от Антуана, что не покидал дома без него, либо Александр Сергеевич нуждался в совете опытного наставника при выборе дорогой вещи. Фраза из письма молодого Строганова от 7 мая – «вчера ездил я смотреть различные табакерки с господином Антонием» – побуждает склониться ко второй версии.

И здесь возникает вопрос собственно о статусе Жана Антуана в иерархии домочадцев рода Строгановых: был ли он просто гувернером-носителем языка или же являлся наставником в более широком смысле слова, способном дать квалифицированный совет при покупке произведения. Поскольку С.Г. Строганов в письме к Гови, своему торговому представителю в Голландии, называет Антуана «гофмейстером» двора своего сына³⁴, мы можем отдать французу главенствующее положение среди всех остальных слуг и дядек этого дома. Но, как уже указывалось, гувернер сам был студентом Женевской академии.

Как завершилась поездка барона в 1750-х гг.? По письмам отца можно понять, что в Париже Строганов попал в дурную кампанию, и «господин Антоний», не вовремя заболевший подагрой, впервые заслужил упрек от родителя своего подопечного, высказанный в послании молодому барону: «Также и то мне невразумительно кажется, для чего господин Антоний ко мне не писал, да и вас к тому не принуждал.

³³ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Публ. К.В. Малиновского. Т. 1. М., 1990. С. 384.

³⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп.1. Д. 4. Л. 3.

Я надеюсь [он] знает, что Вы ему по Вашим молодым летам в смотрение поручены. Так, казалось бы, служить надлежит»³⁵. Случилась обычная для гувернеров ситуация: наставник оказался ближе ученику, чем отец, который узнал о «поступках» Александра со стороны. Уж не они ли ускорили кончину Сергея Григорьевича? Ведь к лету 1756 г., незадолго до его смерти, характер переписки «Телемака» с отцом изменился. Младший барон писал все реже и реже, да к тому же все меньше и меньше. Напротив, послания Сергея Григорьевича, наоборот, становились все более пространными и полными нравовучений. В результате отец приложил немалые усилия для отзыва сына из Парижа и преуспел в этом.

В сентябре 1756 г. старший Строганов настоял на том, чтобы его наследник вернулся в Петербург, но увидеть сына Сергею Григорьевичу было уже не суждено: в том же месяце старый барон скончался. Александр прибыл в Россию летом 1757 г.³⁶ В письме, оказавшемся последним, Сергей Григорьевич предписывал сыну не посещать Англии из-за начавшейся войны, а направиться в Голландию, оттуда в Брабант, Вену и Саксонию. Он ожидал сына к Троице 1757 г. Александр в своем последнем письме от 22 сентября 1756 г., еще не зная о кончине родителя, сообщал, что направляется через Брюссель в Голландию, где будет ожидать дальнейших указаний. Йегер обнаружила в РГАДА письмо А.С. Строганова от 2 мая 1757 г. из Франкфурта, адресованное некоему Свановскому (Svanovska) и начинающееся следующим образом: «Привет, дорогой мой дорогой Свановский, вот, наконец, твой Барон во Франкфурте»³⁷. Таким образом, путешественник, возвращаясь из Франции, вначале посетил Брабант, а затем уже Голландию и Германию, в полном соответствии с «планом Миллера».

Оценить успехи Антуана на педагогическом поприще можно было бы, имея сколько-нибудь непредвзятое описание того, каким именно Александр Сергеевич вернулся из путешествия. Однако наша информация об этом периоде его жизни скудна и противоречива. Знание французского языка не вызывает сомнений, хотя об уровне владения им нельзя сказать ничего определенного. Вплоть до составления каталога 1793 г. барон, а впоследствии граф не оставил каких-либо сочинений. По свидетельству С. Порошина, наставника великого князя Павла Петровича, Строганов развлекал наследника разговором на гасконском языке³⁸, из чего можно сделать предположение: не проис-

³⁵ Кузнецов С.О. Пусть Франция... С. 462.

³⁶ Колмаков Н.М. Дом и фамилия Строгановых. С. 586.

³⁷ Jaeger S. Op. cit. S. 434.

³⁸ Запись от 12 октября 1765 г. «Ужинал у нас Александр Сергеевич Строганов. Говорил между прочим по-гасконски, чем Его Высочество много увеселял». – Семена Порошина

ходила ли семья Антуана из Гаскони, иначе откуда у российского аристократа такие познания?

Известны также отдельные факты причастности А.С. Строганова к просветительским начинаниям: он создает библиотеку в собственном доме³⁹, участвует в собрании учредителей Публичной библиотеки 1767 г.⁴⁰ С другой стороны, мы имеем множество критических отзывов о нем, исходящих прежде всего от Воронцовых, ставших новыми родственниками А.С. Строганова после его женитьбы на А.М. Воронцовой (1758). Когда он подал прошение о разводе (осень 1764 г.), они обвинили его в неосновательности нрава, легкомыслии и даже наличию злого сердца⁴¹. По мнению Михаила Ларионовича Воронцова, его зятем руководил некий Ф.Я. Генингер, который и сам, согласно свидетельству Порошина, был человеком сомнительных моральных достоинств⁴². Пишет Порошин, кстати, и о легкомыслии Строганова⁴³. Неудачный брак, вызвавший пересуды в обществе, закончился ранней и уже потому трагической смертью жены Александра Сергеевича (1769). События эти происходили на глазах Жана Антуана, который, как часто бывало в русских семьях, остался и далее жить у Строгановых.

Вновь имя бывшего гувернера Строгановых встречается мельком в путевом дневнике двух женецев, Жака-Андре Малле и Жана-Луи Пикте, прибывших в Россию для наблюдения с Кольского полуострова за прохождением Венеры по диску Солнца в 1768 г. В отсутствие А.С. Строганова их в его доме принял именно Антуан⁴⁴.

Дальнейшая судьба Жана Антуана нам неизвестна. Можно сказать, что первый француз-гувернер в семье Строгановых до сих пор остается загадкой – тенью в анфиладах дворца на Невском проспекте, с одним из владельцев которого он был связан не менее шестнадцати лет. Некоторую надежду на расширение в дальнейшем наших знаний о наставнике А.С. Строганова дает находка в Российской национальной

записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, Наследника Престола Российского. СПб., 1881. Стб. 475.

³⁹ *Сомов В.А.* Круг чтения петербургского общества в начале 1760-х годов (Из истории библиотеки графа А. С. Строганова) // XVIII век. Сборник 22. СПб., 2002. С. 200–234

⁴⁰ *Лазаревский Ал.* План Публичной библиотеки в С.-Петербурге, составленный в 1766 г. // Библиографические записки. 1861. Т. 3. №. 3. Стб.70-80.

⁴¹ См., в частности, письмо М.Л. Воронцова И.И. Шувалову от 4 (15) декабря 1764 г. – Русский архив. 1864. № 4. Стб. 378.

⁴² Семена Порошина записки. Стб. 531.

⁴³ Там же. Стб. 478.

⁴⁴ Deux astronomes genevois dans la Russie de Catherine II, Journaux de voyage en Laponie russe de Jean-Louis Pictet et Jacques-André Mallet pour observer le passage de Vénus devant le disque solaire 1768–1769 / Publ. de J.-D. Candaux, S. Capdeville, M. Grenon, R. Sigrist et V. Somov. Ferney-Voltaire, 2005. P. 236.

библиотеке книги «История Иудейской войны» Иосифа Флавия⁴⁵, которая принадлежала Жану Антуану. На титульном листе обоих томов стоит «Jean Antoine»⁴⁶.

На сделанном А.Н. Ворониным в 1793 г. рисунке Картинной галереи петербургского дома Строгановых изображены все наиболее заслуженные слуги графа (имена перечислены в надписи на обороте), в том числе и Алексей Мурахин, сопровождавший Александра Сергеевича в его первом путешествии по Европе. Однако Жана Антуана среди них нет. Вероятно, он уже скончался к тому времени, не дожив до приезда в Россию своего более знаменитого преемника – Жильбера Ромма. Приглашение графом А.С. Строгановым нового французского наставника для своего сына Павла, а затем и отправление обоих по аналогичному маршруту – через Берлин на учебу в Женеву, а затем в Париж – могло быть результатом тех хороших воспоминаний, что остались у Александра Сергеевича от наставничества «господина Антония». Граф прекрасно понимал, что личность гувернера имеет большое значение для успеха воспитания, важнейшей составной частью которого являются путешествия. Еще в 1753 г., сочинив настоящую апологию путешествий, он писал: «И как пчела летит высасывать лучший сок из цветов, чтобы сделать свой замечательный мед, так и путешественник должен собирать повсюду то, что является наиболее подходящим для формирования Духа и Сердца, чтобы завоевать достоинство и вернуться полезным для своей Родины»⁴⁷. Первой и потому особенно важной строгановской поездкой было Большое турне Александра Сергеевича по Европе 1752–1757 гг., успех которого во многом предопределило участие французского гувернера Жана Антуана.

⁴⁵ *Josephus Flavius*. Histoire de la guerre des Juifs contre les Romains. Bruxelles, 1738.

⁴⁶ *Сомов В.А.* Кабинет для чтения графа Строганова (иностранный фонд)// Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1. С. 236.

⁴⁷ *Кузнецов С.О.* Пусть Франция... С. 470.